ДОКЛАДЫ

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: 1755 ГОД. Доклад на методическом семинаре по проблемам преподавания русского языка и литературы, 04 июля 2012 г.

Лифшиц А.Л., доцент, НИУ ВШЭ (Москва)

Мы можем определенно сказать, когда Россия стала частью европейского культурного пространства, когда, наконец, это стало свершившимся фактом. То есть, когда она *вновь*, захотела стать и стала частью Европы после столетий вынужденной изоляции.

Попытки породниться с царствующими домами Европы в XVI столетии – не в счет! Как не в счет итальянские архитекторы, приглашенные на Русь, «студенты», посланные за европейским опытом Борисом Годуновым, так никогда и не возвратившиеся в Россию и растворившиеся на Западе, или переведенный для царевича Федора Борисовича рыцарский роман «Брунсвик» – все это (и многие другие!) частные случаи культурных взаимодействий Руси-России и Европы.

Мы же – о другом.

Нет сомнений, что Россия не была еще частью культурной Европы тогда, когда «тишайший» царь Алексей Михайлович завел при своем дворе что-то отдаленно напоминающее европейский театр и когда при том же дворе появился прообраз русской газеты – рукописные листки «Курантов».

Не стала Россия, как бы этого ни хотелось Петру, европейской страной и после, когда этот порывистый младший сын Алексея Михайловича пытался за два десятилетия придать российским просторам некоторое сходство с формами европейской цивилизации, которые обтачивались и совершенствовались долгие века.

Не стала, разумеется, и тогда, когда Петр Алексеевич вполне варварски (и уж точно не по-европейски!) рубил бороды нежелающим брить их, и тогда, когда созывал ассамблеи и с чудовищными затратами строил город, который должен был напоминать ему стоящий на воде и так понравившийся молодому царю Амстердам.

Хотя все они: и отец, и сын, и их предшественники по-своему прилагали усилия к тому, чтобы сделать Россию полноправной частью Европы.

Но уж точно Россия не становилась европейской державой, оттого что разные

представители династии Романовых или иные правители и правительства строили армию и флот в уверенности, что военная сила – лучший способ попасть в Европу.

А вот когда несчастливый император Петр Федорович отменил обязательную службу для дворян, издав указ о их вольности, и когда чуть позже его счастливая вдова Екатерина Алексеевна, урожденная принцесса Ангальт-Цербстская, покупала произведения европейского искусства и вела переписку с лучшими европейскими умами, то тогда Россия уже, несомненно, считалась, частью (пусть и отдаленной) европейского культурного пространства. При этом Дидро с Вольтером были чем-то вроде приглашенных учителей для чуть повзрослевшего Митрофанушки.

Вообще-то точная датировка начавшегося или, наоборот, завершившегося историко-культурного процесса, как правило, невозможна. Исследователи всегда имеют дело с более или менее условными датами, которые удобно использовать для определения относительной хронологии событий. Однако бывают случаи, когда совпадение ряда значительных явлений во времени указывает на отчетливое изменение ситуации. Еще порой случается, что и современники этих явлений сами успевают осмыслить замеченную потом и исследователями дату как значительную в истории и культуре страны и народа.

В истории России одной из таких дат, безусловно, является 1755 год. Тот самый, когда, как мы уверены, Россия по-настоящему стала частью Европейского культурного пространства.

Наверное, легче всего вспомнить, что в этом году дочерью Петра Первого императрицей Елизаветой Петровной был подписан указ об учреждении Императорского Московского университета. Стараниями бескорыстного фаворита императрицы Ивана Ивановича Шувалова, вернувшего (уникальный случай в русской истории!) после ее смерти в казну все сделанные монархиней подарки, при интеллектуальном участии Михайла Васильевича Ломоносова Московский университет стал первым в России высшим учебным заведением, устроенным по европейским образцам.

Теперь «быстрые разумом» российские юноши могли не только рождаться, но на русском языке получать образование в надежде стать в будущем собственными ее императорского величества Платонами или Ньютонами.

Важны и не столь прямые последствия учреждения Московского университета:

при нем была учреждена ставшая второй по значимости в стране типография, которая уже на следующий год начала выпуск печатной продукции, включавшей большое количество изданий, относящихся к изящной словесности, а также газету «Московские ведомости», которая выходила дважды в неделю на восьми страницах небольшого формата и имело множество подписчиков, узнававших о событиях в мире из коротеньких – в один абзац – репортажей и о государственных подрядах, частных распродажах, театральных событиях и книжных новинках – из объявлений на последней страничке.

Так что благодаря учреждению университета в 1756 году в России выходили уже целых две газеты.

Другие важнейшие события 1755 года не столь широко известны. Во всяком случае, они явно остаются недооцененными, и на них не так часто обращают внимание. А между тем, они вполне сопоставимы по значению с открытием университета.

Вот одно из них.

В 1755 году в главной типографии страны – типографии Императорской Академии наук – печатается двухтомный труд «Описание земли Камчатка», автором которого был однокашник М.В. Ломоносова по московской Славяно-греко-латинской академии и петербургскому Академическому университету Степан Петрович Крашенинников, умерший незадолго до выхода книги в свет – в феврале того же года в возрасте 42 лет.

Как говорилось в предисловии к изданию, автор труда *«был из числа тех, кои не знатною природою, ни фортуны благодеянием не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою, произошли в люди, кои ничего не заимствуют от своих предков, и сами достойны называться начальниками своего благополучия».*

Не будем спорить, стоит ли считать благополучием смерть на сорок третьем году жизни, но то, что Степан Петрович приложил немалые усилия для создания своего труда о Камчатке и что эта работа прославила его и обессмертила его имя, – бесспорно.

Замечательный труд Крашенинникова содержал в себе огромное количество ценнейших сведений о географии, ботанике, народах отдаленной части обширной Российской империи. Даже сейчас эти полные уважения к обитателям полуострова

зарисовки быта и религиозных верований, внимание к пейзажу и впервые обнаруженным растениям и животным не могут не поразить читателя живостью и свежестью впечатлений от увиденного.

Кроме того, книга была образцово издана: на хорошей голландской бумаге, с заставками и виньетками, а также с немалым числом прекрасно гравированных на меди изображений. Книга явно была рассчитана, чтобы произвести эффект, что и удалось.

Успех издания и внимание к нему были таковы, что спустя всего одиннадцать лет – не великий срок и по теперешним меркам – книга была переведена на немецкий язык и издана в Германии. И это был первый случай, когда естественнонаучный труд переводился с русского языка на литературный язык старой Европы. Как мы знаем, до этого случалось только обратное.

Но и сама книга Крашенинникова представляет собой первый случай, когда русский язык выступает в качестве языка культуры и цивилизации и дает имена тому, что на языках просвещенной Европы еще не имело названия. Иными словами, в 1755 году русский язык выступил в роли языка науки, на котором создаются оригинальные ученые сочинения. То есть русский язык выступил, наконец, в той роли, которую всегда играла латынь и уже долгое время исполняли основные европейские языки.

Уже совсем скоро и Ломоносов, оставив латынь, будет писать по-русски не одни только стихи. Уже совсем скоро, с конца 1750-х годов, его риторические и научные упражнения будут переводиться на немецкий и французский языки.

Разумеется, объем переводимого с русского на европейские языки долго будет еще вовсе не сопоставим с объемом переводов на русский. Но важен сам факт признания того, что по-русски могут быть написаны сочинения, представляющие несправедливый интерес для европейцев.

Однако рассматриваемый нами 1755 год замечателен и еще одним событием, которое вспоминается еще реже выхода в свет книги Крашенинникова.

По предложению президента Академии наук графа К.Г. Разумовского в этом году решено было печатать «ученый» периодический журнал «Санкт-петербургские академические примечания» (рис.1), который должен был реализовать идеи популяризации научного знания. Нечто подобное выходило уже в России в 1728-1742 годах в качестве приложений к «Ведомостям» (пока не было «Московских

ведомостей», единственную существовавшую газету никто и не думал называть *Санктпетербургской*) и называлось «Примечания». В этом издании печатались переводы иностранных сочинений и торжественные оды, которые тогда служили поэтическим инструментом государственной пропаганды.

Кстати, и «Ведомости» также печатались под наблюдением Академии наук, которая была далеко не последним (если не одним из главнейших) проводником государственной политики в области культуры.

Однако в ходе обсуждения в стенах Императорской Академии наук решено было допустить к сотрудничеству в журнале профессиональных литераторов «не из числа академиков». Одновременно новый журнал получил то имя, под которым он и вошел в историю: «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие».

Из «ученого» издания журнал стал научно-популярным и литературным. В нем все так же печатались переводы иностранных статей, но сильно поубавилось дидактики. Теперь в издании публиковались и вполне несерьезные тексты, и тексты поэтические, относящиеся вовсе не к одному высокому жанру.

Еще важнее, что само название журнала декларировало – впервые на просторах Российской империи! – возможность человека тратить свое время не только на занятия, приносящие пользу государству, но и на частную жизнь и на ее, этой жизни, «увеселение».

Потом название журнала было изменено на «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», а последние два года своего существования, с 1763 г., об увеселении было решено забыть, поэтому на титульном листе издания значилось: «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах».

Впрочем, это не отразилось на содержании. Увеселений же в царствование Екатерины Второй и так, как известно, вполне хватало, а мы можем констатировать тот факт, что в 1755 году подданные Елизаветы Петровны несколько приблизились к обитателям Германии и Франции не только в области науки и просвещения.

Все три названных события 1755 года, как, возможно, заметил проницательный читатель, в большой степени касаются русского языка.

Итак, к 1755 году оказалось несомненным существование русского языка как языка оригинальной, а не переводной науки, на котором можно не только писать (что было признано и в старой Европе), но на котором оказывается возможным вести

преподавание.

Если мы, попробовав отрешиться от политической составляющей, вспомним обсуждение тех проблем (в том числе и терминологических), которые возникали в бывших республиках СССР при переводе образования с русского языка на национальные языки, то мы вполне представим себе колоссальный скачок, который должен был произойти при переходе обучения с латыни на имевший очень еще коротенькую традицию русский научный язык.

Выход же в свет журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» следует считать признанием на государственном уровне (издание, напомним, осуществлялось за счет казны) не только определенных потребностей читающей публики, но и того факта, что в России появился признанный государством литературный русский язык.

Литературный язык – не язык литературы, а особым образом функционирующая разновидность стандартного, то есть признанного пользователями и (в случае России и некоторых других стран) государством языка. Этот язык призван обслуживать практически весь спектр культурных (имеющих отношение к сфере культуры, подвергающихся сознательной рефлексии) потребностей носителя языка.

Как же формировался этот язык в России?

Оставляя в стороне разговор о языковой политике и следовавшей за ней полемике вокруг того, каким должен быть русский литературный язык, а также не касаясь приятных исторических анекдотов, вроде рассказа о вычеркивании собственноручно Петром в 1710 году церковнославянских по рисунку и непохожих на буквы латинского алфавита русских литер, мы будем вынуждены констатировать, что существованием русского литературного языка европейского типа Россия обязана переводчикам.

Один из самых замечательных лингвистов нашего времени Игорь Александрович Мельчук любит повторять афористическую максиму: перевод осуществляется не через знание языка, а через знание действительности. Зная язык, но не зная, о чем идет речь, невозможно перевести текст. Зная язык, зная, о чем идет речь, вы можете легко выразить нужные смыслы, если, конечно, у вас нет затруднений с тем языком, на который осуществляется перевод.

Но вот здесь у русских переводчиков и возникала главная сложность. Никто до

них не говорил и не писал по-русски то, что они с легкостью читали по-немецки, французски, по-голландски или на латыни...

Переводчик XVIII века в чем-то оказывался похож на школьника, который уже освоил несколько иностранный язык, но не владеет им настолько свободно, чтобы перевести на него то, о чем так легко он только что щебетал на своем родном языке. В арсенале школьника просто недостает *средств выражения*. В результате его фразы получаются громоздкими и не совсем естественными, смысл местами грешит приблизительным сходством с оригиналом, а о изящном лаконизме остается только мечтать.

Но переводчики переводить должны были не на иностранный язык – на свой, мучительно изобретая, как бы приноровить его к европейским нуждам.

Мы знаем, что сначала переводятся те европейские книги, которые казались властям необходимыми для строительства нового Российского государства: учебники, книги по военному и инженерному делу, историко-публицистические сочинения, которые должны были воспитать подданных в правильном европейском духе (как его понимал Петр).

Так, в 1708 году знаменитый сподвижник Петра шотландец Яков Виллимович Брюс, слывший в народе чернокнижником, по заданию царя переводит на русский язык немецкий учебник начертательной геометрии. Основной вопрос для него: как это сказать по-русски? И, не зная, что предпочесть, описывает: конус – это фигура, похожая на заостренный каравай. В части книги линии соединяют *пуанты А и В*, а в части – уже точки. Примеры можно было бы умножить.

Последователи Брюса уже не объясняют слово *конус* и не используют *пуанты*. Так формируется язык русской науки.

Чуть позже Василий Кириллович Тредьяковский сочиняет первые русские стихи, отличные от тяжеловесной силлабики предшествующего времени. Эти скачущие и спотыкающиеся легкие вирши потом чуть не до конца столетия переписывают и поют. В 1730 году он переводит с французского и печатает роман «Езда в остров любви», в котором чудесный остров населен различными аллегорическими персонажами.

Но поди догадайся, кто такой *купидон-глазун* и чем он отличен от обычного *купидона*! (На самом деле, *купидон-глазун* – аллегория флирта, который строит глазки,

засматривается, но не любит. Не то что настоящий *купидон*).

Так начинается «правильная» художественная литература на русском языке.

Но опыты Тредьяковского все же остаются литературным курьезом. А по-настоящему переводить европейскую художественную литературу на русский язык начинают около середины XVIII века.

Одним из тех, кто формировал русский литературный язык, был еще один однокашник Ломоносова по Славяно-греко-латинской академии, чье имя не говорит ничего абсолютному большинству наших современников.

Так же, как и его знаменитый соученик, Василий Иванович Лебедев был в числе двенадцати лучших учеников взят для продолжения обучения в Петербург, но не стал ученым или администратором, зато и не спился, как многие другие. Без малого сорок лет он переводил «репорты» для канцелярии Академии наук, труды профессор-немцев, статьи для «Санктпетербургских ведомостей» и т.п.

Именно он в конце 1740-х годов по собственной инициативе начинает переводить европейские повести и романы и *почтительнейше доносит* своему начальству об осуществленных переводах в надежде, что они будут напечатаны. Часть из них, переведенная, как явствует из помет на рукописи, в 1753-1754 гг., действительно была напечатана, хоть и не сразу: в середине 1760-х годов, часть – никогда не дошла до печатного станка и расходилась в многочисленных рукописных копиях.

В середине царствования Елизаветы Петровны появляются и иные переводы. Теперь, когда есть тексты, демонстрирующие, как по-русски можно писать о любви, войне, дружбе, сильных чувствах и невероятных приключениях, огромное количество профессиональных переводчиков и никому неизвестных гвардейских и армейских офицеров начинают переводить модные французские и немецкие романы.

Примерно тогда же, то есть около середины века появляются устроенные по европейскому образцу пьесы Александра Петровича Сумарокова и Михаила Васильевича Ломоносова. А 30 августа следующего, 1756 года, указом Елизаветы Петровны учреждается Императорский театр в Санкт-Петербурге, надзирать за которым поручено как раз Александру Петровичу Сумарокову. Одобренные высочайшей особой его произведения становятся образцами для литературных опытов в следующие десятилетия.

Таким образом, к 1755 году в России формируется тот русский язык, который может быть признан образцовым. И есть серьезные основания считать, что и современники событий отметили 1755 год как весьма важный для культурной истории России.

Нашу мысль подтверждает чрезвычайно важное событие, которое, впрочем, произошло не в 1755 году, а двумя годами позже.

В той же упоминавшейся не раз уже типографии Императорской Академии наук в Петербурге была напечатана знаменитая «Российская грамматика Михаила Ломоносова».

Первая печатная грамматика русского языка (а до нее были оставшиеся в рукописях грамматики иностранцев, составлявших пособия по русскому языку для своих соотечественников, грамматика одного из учителей Ломоносова Василия Евдокимовича Адодурова и некоторые другие) оказалась тем изданием, на котором во многом основывалась вся последующая грамматическая мысль в России. И уже два с половиной века она влияет своим авторитетом на преподавание русского языка в школе.

Именно Ломоносов, например, определил один из падежей существительного как *предложный*, не придумав, должно быть, для него названия, которое бы отражало совокупность функций данной словоизменительной категории, а не ее формальные особенности.

Почему же мы упоминаем изданную в 1757 году грамматику Ломоносова в ряду событий 1755 года?

А потому, что на титульном листе ее первого и нескольких последующих изданий, осуществленных в XVIII столетии уже после смерти русского энциклопедиста, обозначен именно этот год.

Грамматика, сочиненная Михаилом Васильевичем Ломоносовым, мыслилась ее автором как нормативная, то есть такая, которая предписывает правила, по которым должен строиться текст на русском языке.

Для Века Просвещения с его пониманием мира как устроенного разумно и, как следствие, со стремлением к разумному устройству всего, что производит сам человек, наличие рациональной грамматики – необходимое условие существования правильного языка. А мы уже показали, что правильный (европейский) русский язык

со всем многообразием его функций к 1755 году существовал de facto и требовал только того, чтобы быть получено «юридическое» оформление.

Такой декларацией наличия в России европейски правильного языка, стал выход в свет грамматики М.В. Ломоносова.

Теперь Россия с полным основанием заговорила на языке европейской культуры – то есть вошла в европейское культурное пространство. Теперь было подтверждено, что по-русски может быть сказано все, что может быть сказано на других языках европейской цивилизации.

Наделенный гениальным чутьем Ломоносов в предисловии к своему грамматическому сочинению посвятил этому качеству русского языка многократно цитированный пассаж:

«Карл пятый, римский император, говаривал, что гишпанским с богом, французским – с друзьями, немецким – с неприятельми, итальянским – с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие гишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Заметим, что для России с ее актуальным знанием церковнославянской лексики переход в европейское культурное пространство подтверждался простой констатацией привычного соответствия: язык = народ.